

СЛОВО О ПОЯВЛ. ИГОРЯ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ.

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ

Е. В. БАРСОВА.

Томъ III.

Лексикологія „Слова“.

А — М.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульварь.

1889.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“.

Всѣхъ отдѣльныхъ словъ, коими орудуеть авторъ „Слова о полку Игоревѣ“ 905; въ ряду ихъ именъ существительныхъ 387, прилагательныхъ 141, числительныхъ и мѣстоименій 29, глаголовъ 297, союзовъ 18, нарѣчій 31, междометій 2.

Задача нашей Лексикологіи состоитъ въ томъ, чтобы прослѣдить каждое изъ нихъ въ слѣдующихъ явленіяхъ:

1. Встрѣчаются ли эти слова въ древнѣйшихъ Славяно-русскихъ переводныхъ памятникахъ, и если встрѣчаются, то какимъ греческимъ выраженіямъ они соотвѣтствуютъ?

2. Какія изъ нихъ вслѣдствіе своей устарѣлости и *когда именно* стали замѣняться иными выраженіями въ позднѣйшихъ спискахъ переводныхъ памятниковъ?

3. Встрѣчаются ли тѣ же слова и выраженія въ самостоятельныхъ произведеніяхъ литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы?

4. Являются ли они въ твореніяхъ народнаго пѣснотворчества—въ богатырскихъ словахъ, народныхъ плачахъ и пѣсняхъ?

5. Сказываются ли они въ Исторической географіи и въ какихъ именно образованіяхъ?

6. Бытуютъ ли они въ современномъ живомъ языкѣ и въ какомъ именно значеніи?

7. Какъ было понимаемо то или другое изъ нихъ въ литературѣ „Слова“ и какъ было переводимо на языкъ современный?

Рѣшеніе этихъ вопросовъ, раскрывая намъ значеніе того или другаго выраженія въ разнообразныхъ его оттѣн-

кахъ, укажетъ намъ болѣе точный смыслъ его въ „Словѣ“, уяснить намъ архаичность дошедшаго до насъ текста и отношеніе его къ другимъ памятникамъ Кіевской Руси, покажетъ намъ связь его съ народно-поэтическими мотивами и образами и поможетъ болѣе точному и характерному переложенію его на современный живой языкъ.

Двумъ путямъ слѣдовали предшествовавшіе комментаторы при толкованіи отдѣльныхъ выраженій „Слова“.

1) Одни обращались къ *корнесловію* и отсюда извлекали тотъ или другой смыслъ, особенно для словъ, которыя не объясняются ни лѣтописными указаніями, ни живыми современными нарѣчіями. Придавая важное значеніе этому методу, мы однако считаемъ его крайне недостаточнымъ для пониманія памятника XII в. Слова, какъ и люди, измѣняются, старѣются и вымираютъ. Корень „Слова“ весьма важный для пониманія его въ первичномъ его значеніи, не всегда можетъ точно указывать на смыслъ его въ историческомъ его употребленіи. По корню мы никогда не поймемъ, напр.: что значить *смага*—въ томъ смыслѣ, съ какимъ является оно въ „Словѣ“. Стремленіе понимать памятникъ при посредствѣ *корнесловія* иногда приводило къ большимъ странностямъ; такъ напр. выраженіе: „идуть сморци мыглами“ съ этой точки зрѣнія получало такой смыслъ: смърць по корню—это *облако*; мыгла—въ значеніи Санскр. *mēgha*—тоже *облако*; такимъ образомъ „идуть сморци мыглами“ значитъ будто бы: идутъ тучи этими же тучами (Потебня, стр. 143). Но если филологическая ученость можетъ довольствоваться такими толкованіями, то съ ними никогда не можетъ примириться никакой поэтъ. Быть не можетъ, чтобы творческій геній автора, столь яркій въ каждомъ выраженіи, говоря о туманахъ, могъ выражаться такъ туманно.

2) Другіе комментаторы направлялись въ сторону юго-западныхъ Славянскихъ нарѣчій и при посредствѣ ихъ старались понять тѣ или другія выраженія нашего „Слова“. Не говоря уже о томъ, что одно и то же слово въ разныхъ нарѣчіяхъ бытуетъ иногда въ противоположныхъ значеніяхъ, живое употребленіе ихъ еще чаще не совпадаетъ съ историческимъ ихъ смысломъ. Одностороннее уклоненіе въ эту сторону повело къ отысканію въ „Словѣ“ польщизны, болгаризмовъ и даже языка Радимичей, никому до сихъ поръ неизвѣстнаго.

Но всего болѣе насъ поражаетъ, что были ученые, которые за разъясненіемъ того или другаго выраженія „Слова“ прибѣгали къ языку Французскому. Такъ, встрѣчая подобныя выраженія въ Библейскихъ книгахъ и не зная греческаго языка, они должны были обращаться къ французскому переводу Библии. Въ этомъ фактѣ сказывается для насъ вся безпомощность Русской науки, во время отсутствія у насъ классическаго образованія.

Менѣе удивительно то, что норманисты, въ интересахъ своего узкаго ученія, продолжаютъ многія выраженія, имѣющія мѣсто въ „Словѣ“ относить къ заимствованнымъ, то у Готовъ, то у Скандинавовъ и т. п.

Намѣченный нами путь, по нашему возрѣнію, наиболѣе прямо ведетъ къ широкому пониманію и точному уясненію отдѣльных словъ и выраженій памятника XII в.

Предлагаемая Лексикологія „Слова“, со стороны древнихъ переводныхъ памятниковъ, составлена нами независимо отъ Словарей Миклошича и Востокова и потому, на нашъ взглядъ, она не лишена существеннаго значенія и для археологическаго лексиса Славяно-русскаго языка вообще. Вводя въ исторію понятій, выражаемыхъ словами въ разное время и въ разныхъ памятникахъ, она, кромѣ того, что даетъ намъ возможность точно понимать разные от-